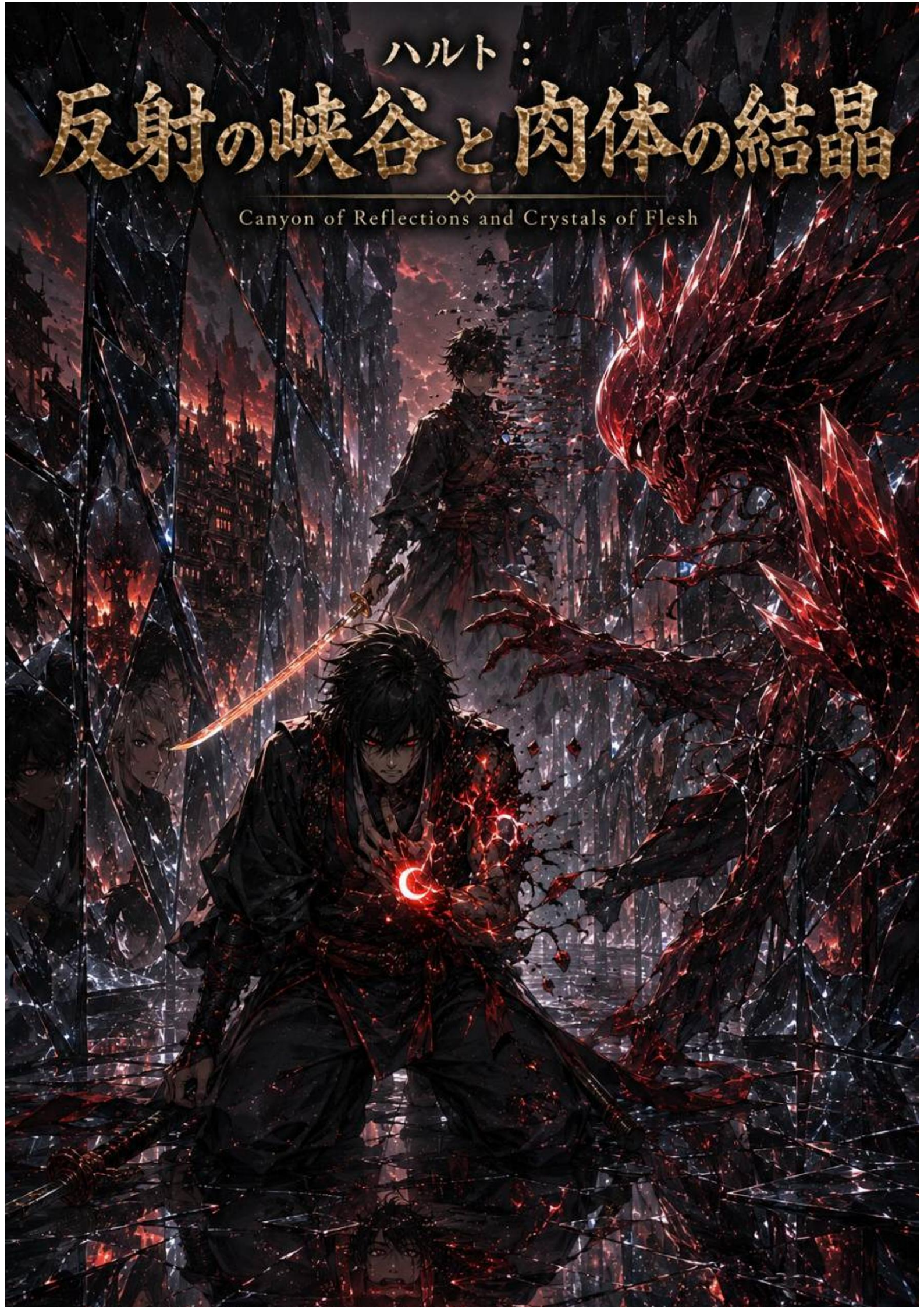

ハルト：

反射の峡谷と肉体の結晶

Canyon of Reflections and Crystals of Flesh

Зеркальный Вихрь

**Харуто Том 1 книга 4 "Каньон
Отражений и цена истины."**

«Автор»

2026

Вихрь 3.

Харуто Том 1 книга 4 "Каньон Отражений и цена истины." /
3. Вихрь — «Автор», 2026

Возвращение в родную деревню Рикугами оборачивается для Харуто Камиямы и его друзей столкновением с суровой реальностью. Элитные стражи Кураторов превратили поселение во фронтовую зону. Пока Такэру отчаянно ищет исчезнувшую сестру Сакуру, Харуто получает послание: «Границы лгут. Ищи правду в руинах». Путь героев лежит к Западным Руинам — «могиле знаний». В Каньоне Отражений, чьи стены из чёрного базальта служат зеркалами памяти, герои сталкиваются с тенью Рёнсая Хэйи. Каньон требует непомерную плату за истину: Миюки жертвует левым глазом ради видения прошлого, а Харуто платит крупными дорогами воспоминаний за разрушение смертоносных иллюзий. В сердце каньона Такэру видит образ Сакуры в центре мирового пожара, осознавая, что она — ключ к очищению мира. Финальное противостояние в Зале Кураторов заставляет героев сделать окончательный выбор: остаться послушными инструментами системы или, бросив свои артефакты, выбрать собственный путь в мире, где прежние правила превратились в пепел.

© Вихрь 3., 2026

© Автор, 2026

Зеркальный Вихрь

Харуто Том 1 книга 4 "Каньон Отражений и цена истины."

Глава 31: «Дым над воротами»

Часть 1: Ворота Рикугами — дым, оцепление, страх жителей

Дым не пахнул пожаром. Он пахнул страхом

.

Харуто первым остановился у поворота тропы. За его спиной замерли Такэру, Рин, Миюки и Аяме. Группа молчала не от усталости после долгого пути, а от тяжёлого осознания: перед ними стояло не приветствие, а баррикада

.

Ворота Рикугами — те самые, что Харуто видел в снах с самого детства, вырезанные из цельного векового кедра — теперь были обмотаны чёрной тканью. Это не был траур; ткань выглядела грубой, оперативной, наспех накинутой для обозначения закрытой зоны

. Стражи в серых доспехах стояли плотным оцеплением, плечом к плечу. Их копья были направлены в землю, но пальцы сжимали древки так сильно, что казалось, они ждут удара в любую секунду

. Лица воинов были бледными, а глаза лихорадочно бегали по толпе жителей, собравшихся у входа.

В толпе Харуто видел знакомые, но искажённые ужасом лица: женщины, прижимающие к себе детей, старик с пустым ведром, молодой парень, чьи костяшки пальцев побелели от яростного сжатия кулаков

.

— Это не нападение духов, — тихо, почти хрипло произнёс Такэру. Его голос дрогнул от горького узнавания. — Это осада

.

Аяме прищурилась, изучая землю. Перед воротами виднелись многочисленные следы не когтей или копыт, а тяжёлых самурайских сапог, ведущих изнутри деревни наружу

. — Они боятся не того, что придёт из лесов, — прошептала она, и её пальцы коснулись тетивы Цукиханы. — Они боятся того, что уже внутри

.

Рин медленно закрыла глаза, её лицо стало мертвенно-бледным. — Слышу... шёпот, — выдохнула она. — Он не в моей голове, он в самих стенах. Кто-то плачет в подвале храма, кто-то кричит в доме старосты. А кто-то... смеётся

.

Миюки медленно опустилась на одно колено, прижав ладонь к обочине дороги. Трава под её пальцами не шелестела от ветра. Она была мёртвой

. — Земля не спит, — прошептала Миюки с тихим ужасом. — Она боится

.

Над воротами продолжал виться густой, удушливый дым, отрезая героев от дома, который они так стремились защитить. Мир, который они знали, превращался в фронт, где границы между своими и чужими окончательно стирались в пепел

.

Хокку: Дым не от огня, Страх в глазах — не от врага. Кто построил стену?

Часть 2: Харуто встречает мать в толпе; её сдержанное приветствие

Харуто заметил её не сразу среди сплошной стены испуганных лиц и сжатых кулаков

. Он искал глазами знакомые черты — старика-соседа или девочку, что когда-то дарила ему цветы сакуры, но все вокруг стали чужими

. Его взгляд зацепился за угол серого кимоно — цвета утра после пожара

. Акико Камияма стояла в третьем ряду толпы, её руки были просто сложены перед собой, а волосы убраны в строгий узел без всяких украшений

. Её тёмные глаза, глубокие, как горные колодцы, смотрели на сына без радости, но с тяжёлым, накопленным годами знанием

.
Она не крикнула его имя и не махнула рукой, просто молча наблюдая за ним сквозь оцепление стражей

. Когда Харуто машинально попытался шагнуть к ней, страж преградил ему путь копьём, требуя сначала пройти проверку

. Тогда мать сама начала движение, медленно и точно протискиваясь сквозь толпу, огибая людей с такой сосредоточенностью, будто каждый её шаг был ударом сердца

. Она остановилась всего в двух шагах от сына, и воздух между ними мгновенно стал густым от невысказанных слов

.
— Ты вернулся... — её голос прозвучал тихо, но отчётливо, не дрогнув ни на секунду

. После короткой паузы, которая показалась Харуто длиннее всей его жизни, она добавила лишь одно слово: — ...живым

. В этом приветствии не было привычного «добро пожаловать домой» или обещаний горячего ужина; Харуто почувствовал, что она всерьёз рассматривала и другой вариант его возвращения

. Он лишь выдохнул «мама», не найдя сил для других слов

.
Её взгляд скользнул по его плечу к рукояти Когарэби, а затем задержался на новом шраме у виска, который Харуто получил в Запретных горах

. Она не спросила о ране, лишь упомянула, что дома расцвели лунные цветы, которые он сажал в детстве

. — Они не ждали тебя. Но расцвели, — добавила она, и Харуто почувствовал, как внутри него что-то треснуло от этой холодной констатации факта

. Тот факт, что она стояла перед ним такая отстранённая, заставил Такэру отвернуться, а Рин — закрыть глаза

.
— Иди, — почти шёпотом произнесла Акико, — кураторы ждут. Пока ждут

. После этого она развернулась и ушла прочь, ни разу не оглянувшись на сына

. Харуто остался стоять, оглушённый её словами, пока Казума Сэно не положил руку ему на плечо, выражая этим жестом больше, чем можно было сказать вслух

. Мать знала правду, которую он только начинал осознавать: в этом новом Рикугами он больше не был просто сыном, он был инструментом системы

.
Хокку: Цветы расцвели, Но не для тебя. Для тех, Кто останется

.
Часть 3: Такэру ищет Сакуру и узнаёт, что она ушла с кураторами

Такэру не кричал. Он искал. Его глаза метались по толпе не как у потерянного мальчика, а как у охотника, который знает: добыча где-то рядом

. Его взгляд скользил по рваным плащам жителей, по серым кимоно, по лицам детей, прижавшихся к матерям. Он искал ту, чьё имя когда-то было синонимом дома, а теперь было выгравировано на внутренней стороне его щита Сэйтэн как напоминание: «Предательница. Не доверяй»

. — Сакура? — его голос прозвучал хрипло, но никто в толпе не обернулся

. Жители Рикугами смотрели в землю или на ворота, старательно избегая встречи взглядом с «героем». Такэру шагнул вперёд, грубо отстраняя плечом женщину с ребёнком. Время было дороже вежливости

. — Сакура Ито! — крикнул он громче. Толпа сжалась, как стая птиц перед хищником

. Из-за спины старухи с корзиной трав выглянул тот самый мальчик, что ранее бросил газету Харуто. В его острых глазах не было страха, только знание

. — Её нет, — прямо сказал он. Такэру замер, его рука непроизвольно потянулась к рукояти щита. Руны на Сэйтене молчали

. — Где она? — Ушла. С кураторами. Три дня назад, — мальчик запнулся, бросив быстрый взгляд на стражей у ворот. — Бабка Лина видела. Сказала: «Сакура шла, как на казнь. Но не плакала». Только оглянулась на твою хижину. Долго смотрела

. Такэру горько усмехнулся. Смотрела, чтобы запомнить, откуда уходит навсегда

. В этот момент из толпы донёсся женский шёпот: — Она оставила тебе... — голос оборвался. Страж у ворот угрожающе направил копьё в сторону говорившей

. Кулаки Такэру сжались до белых костяшек. В горле стоял ком не от заботы, а от ярости. Опять она втягивала невинных в свои игры

. Он развернулся и тяжёлым шагом подошёл к Харуто, который всё ещё сжимал газету.

. — Она с кураторами, — бросил Такэру, и в его голосе звенел лёд

. — Три дня назад ушла. Харуто поднял взгляд, полный тяжёлого понимания. Он указал на заголовок в новостях: «Кураторы усиливают наблюдение за родственниками героев». Имя Сакуры было в списке

. Такэру сжал зубы. Она никогда не была для него просто «родственницей». Она была тенью, что шепталась с Викарием и смеялась, пока он плакал над могилой отца

. В этот момент подошёл Казума Сэно. Он положил руку на плечо Такэру и произнёс правду, которую тот не хотел признавать: — Пешки ходят. А вас — двигают

. Хокку: Имя на щите, Тень сестры среди волков. Кто ведёт игру?

Часть 4: Новости в газете: Аматаэрасу обвиняет Сусаноо в диверсии

Газета лежала в пыли там, где упало её свёрнутое тело, брошенное мальчишкой

. Харуто не поднимал её сразу — он смотрел на серый, дешёвый листок, края которого уже промокли от утренней росы, как смотрят на ядовитую змею, готовую к броску

. На лицевой стороне красовался заголовок, будто вырезанный не типографским станком, а острым ножом:

«АМАТЭРАСУ ОБВИНЯЕТ СУСАНОО В ДИВЕРСИИ НА ГРАНИЦЕ»

.
Под заголовком мелким шрифтом, напоминавшим дрожащую руку автора, сообщались кровавые подробности

. Вчера на рассвете прогремел взрыв у Каменного Моста; семнадцать пограничников Амата́расу были найдены мёртвыми

. На их телах обнаружили вырезанные символы Рикугами — полумесяц в круге

. Сусаноо яростно отрицала свою причастность, в то время как Амата́расу требовала немедленной выдачи «виновных»

. Совет пяти стран созвал экстренное собрание, торговля была остановлена, а границы — закрыты

.
Рин наклонилась к бумаге первой, но тут же отдернула пальцы, словно те обожглись

. — Ложь, — прошептала она, и в её ледяном взгляде читалось отвращение

. — Символы неправильные. В нашем полумесяце в круге должно быть пять точек. Здесь — всего четыре. Кто-то очень хотел, чтобы мы не заметили разницы

.
Миюки опустилась на колени рядом и прижала ладонь к газетному листу

. Закрыв глаза, она почувствовала не запах типографской краски, а нечто иное. — Бумага помнит страх, — тихо произнесла она. — Тот, кто писал это, подчинялся прямому приказу, и его рука дрожала не от горя, а от осознания того, что он совершает

.
На обратной стороне, спрятанные за основными новостями, виднелись другие тревожные сводки

. В Чхонгунге герой Ли Вэй остановил бунт в порту Синьхай, не обнажая меча, а лишь произнеся одно слово

. Сяньню ушла в полную изоляцию — никто не входил и не выходил, а по миру ползли слухи о «неведанной девушке», чьё имя стало запретом

. В Амата́расу же «тень в маске» официально стала советником лидера

.
— «Тень в маске»... — Аяме до боли сжала край газеты. — Это не имя. Это предупреждение

.
В этот момент за спинами стражей раздался спокойный голос Казумы Сэно

. Он подошёл, взял газету и, не читая, скомкал её в кулаке. — Совет пяти стран лжёт, но не все в нём — лжецы, — сказал он, бросая бумагу в костёр у ворот

. — Эти символы на телах — не диверсия. Это приманка. Кто-то хочет, чтобы пять стран сожрали друг друга, а потом этот кто-то соберёт пепел и построит на нём новый порядок

.
Такэру смотрел на пламя, пожирающее ложь, и в его глазах вспыхнула ярость. — Они играют с нами, как с пешками, — прошептал он

. — Нет, Такэру, — Казума положил руку ему на плечо. — Пешки ходят сами. А вас — двигают

.
Хокку: Газета в огне, Пепел ложных обвинений — Мир ждёт новой тьмы

.
Часть 5: Миюки находит в траве кристалл Кэндзи Сэки

Миюки опустилась на колени не сразу, сначала она замерла, словно почувствовав, как сама земля под её ногами тяжело вздохнула

. Это не был порыв ветра или подземный толчок — это было нечто более глубокое, исходящее оттуда, где корни деревьев хранят память, давно стёртую из умов людей

. Такэру, всё ещё охваченный напряжением от безуспешных поисков Сакуры, резко спросил её о причинах заминки, но целительница не ответила

. Она медленно опустила на одно колено, касаясь пальцами травы у обочины дороги, по которой они только что шли к забаррикадированным воротам Рикугами

. Трава в этом месте была неправильной: она не была вытоптана сапогами стражей или выжжена удушливым дымом — она была мёртвой

. «Она не спит, — почти беззвучно прошептала Миюки, — она боится»

. Рин подошла ближе и, закрыв глаза, подтвердила это ощущение, заметив странную «трещину», которая висела не в почве, а в самом воздухе, будто кто-то грубо разбил невидимое стекло и ушёл, оставив осколки

. Харуто невольно положил руку на рукоять Когарэби; меч молчал, но в его ножнах ощущалось нарастающее напряжение, подобное статическому электричеству перед сильной грозой

. Миюки осторожно раздвинула стебли и увидела кристалл

. Он был крошечным, размером не больше ногтя мизинца, и лежал в земле так, словно его в неё вдавили с силой

. Объект казался прозрачным, но внутри него пульсировал злобный красный огонь, цветом напоминающий запёкшуюся кровь

. По краям кристалла расходились микроскопические трещины, сплетающиеся в узор, пугающе напоминающий человеческие нервные окончания или густую паутину

. «Это не природное образование», — произнесла Миюки, и её голос прозвучал как удар молота в тишине

. Она не рискнула коснуться находки, потому что всем своим естеством чувствовала: этот кристалл «болит»

. Но болел не сам камень, а тот, кто его сотворил

. Аяме присела рядом, её пальцы непроизвольно дрогнули на тетиве Цукиханы — инстинкт стрелка безошибочно сигнализировал о смертельной опасности

. Миюки закрыла глаза, чувствуя, как травы в её мешке за спиной мгновенно замерли, перестав пульсировать жизнью

. Кто-то вживил этот предмет в землю совсем недавно — час или, возможно, всего минуту назад; казалось, само время в этом месте было надломлено

. Когда Такэру предположил, что это работа Кураторов, Рин ледяным тоном отрезала: система не оставляет таких явных следов, она их стирает, а этот кристалл был предсмертным криком

. Миюки добавила, что каждая трещина здесь точна и вырезана вручную, словно шрам

. Это не была ловушка, которая ждёт жертву, — это было нечто умирающее

. На глазах у героев кристалл начал меняться: красный огонь внутри стал тускнеть, а трещины расширились, подобно ране, которая отказывается заживать

. Из самой глубокой трещины выступила капля серебристого, горького на вкус света

. Миюки поднесла палец, и капля мгновенно впиталась в её кожу

. Целительница вздрогнула, проваливаясь в резкое видение: лаборатория с мрачными стенами из чёрного камня, столы, заваленные кристаллами, и руки, сплошь покрытые шрамами от собственных жестоких экспериментов

.
«Его зовут Кэндзи Сэки. Учёный из страны Аматаэрасу», — выдохнула Миюки, открыв глаза, полные тяжёлого понимания

. Харуто вспомнил слова своего дяди Казумы о том, что Кэндзи — его родной брат, учёный-изгой, верящий, что эволюция возможна только через страдание

. Этот кристалл был не оружием, а посланием: Кэндзи был здесь или всё ещё находится где-то поблизости

. В этот момент кристалл рассыпался в серую пыль, похожую на пепел после пожара

. Пыль осела на траву, та на миг почернела, но затем вернула свой цвет, сохранив лишь чёрный выжженный круг в форме кристалла

.
Миюки медленно поднялась, её пальцы были сжаты в кулаки

. Она прошептала фразу, и в этот момент её голос прозвучал чуждо, словно принадлежал самому учёному-изгую: «Боль — единственный язык эволюции»

.
Хокку: Кристалл в траве, Трещина — не рана, а слово. Кто оставил след?

Часть 7: Аяме ловит ворона с запиской о лживых границах

Ворон прилетел не с неба. Он вырвался прямо из удушливого дыма, окутавшего ворота Рикугами

. Чёрный, как обугленная ветка, он выделялся лишь одним ярким пятном — пером на левом крыле, красным, будто пропитанным запёкшейся кровью

. Птица не кружила над головами, а просто рухнула вниз, к ногам Аяме, словно её сбросили с невидимого обрыва

.
Аяме не отпрянула. Её рука машинально потянулась к луку Цукихана, но тут же замерла

. Ворон не собирался атаковать; он лежал, раскинув крылья, и смотрел на неё. Его глаза были не птичьими — серыми, человеческими, полными бесконечной усталости

. Несмотря на предостережение Такэру, уже сжимавшего щит Сэйтэн, Аяме опустилась на колени

. Коснувшись перьев, она почувствовала ледяной холод — не физический, а холод чужой памяти, вплетённой в каждое крыло

.
Клюв птицы приоткрылся, и Аяме извлекла из него свёрток

. Это была не бумага, а кора, на которой символы были не написаны чернилами, а медленно и мучительно выжжены, будто чьим-то пальцем

.
— Читай, — глухо произнёс Харуто, чей меч Когарэби в ножнах начал тревожно вибрировать

.
Аяме развернула кору. Надпись гласила: «Границы лгут. Ищи правду в руинах»

.
Тишина, последовавшая за этими словами, была тяжелее дыма над воротами. Рин первой нарушила её, прошептав, что это не угроза, а «приглашение»

. Миюки, прижав ладонь к груди ворона, добавила, что он — лишь посланник, чьё сердце бьётся не ради жизни, а ради долга

. В этот миг ворон моргнул с человеческим пониманием, взмахнул крыльями и исчез в дыму так же внезапно, как и появился

.

На гравии осталось лишь красное перо. Такэру поднял его и увидел на обратной стороне едва заметный символ — полумесяц в круге

.
— Это... — начал он, но Аяме оборвала его, уже понимая, что это знак Сакуры

.
Харуто, перевернув кору, нашёл ещё одно клеймо — маленький, почти стёртый глаз, разорванный пополам

. — Куроширо, — прошептал он

.
Герои осознали: границы, о которых говорилось в записке, проходят не по земле, а в головах, приказах и лживых газетах Кураторов

. Путь лежал в Западные Руины — туда, где Кэндзи Сэки и Рёнсай Хэйя оставили свои следы

.
— Мы идём? — спросил Такэру, сжимая перо. — Мы не будем просить разрешения у Кураторов, — ответила Аяме с непоколебимой решимостью

.
Рин резко обернулась: в толпе жителей она заметила шорох. Там, где мгновение назад кто-то стоял, на пыльной земле остался свежий след женского ботинка и нарисованный пальцем полумесяц. Сакура была здесь

.
Хокку: Ворон в дыму, Слова — как нож в тишине. Куда ведёт путь?

Часть 8: Харуто впервые видит Казуму Сэно у храма

Харуто заметил его не сразу. Сначала взгляд застилал удушливый дым, потом — пустые лица стражей и холодный, как лезвие, взгляд матери

. Лишь когда толпа немного расступилась, он увидел фигуру, стоявшую у подножия храма — там, где обычно собирались старейшины, чтобы вершить судьбы Рикугами

.
Это был высокий мужчина в простом сером кимоно без знаков ранга

. Его плечи были прямыми, но не напряжёнными — так стоит человек, который привык носить невидимый, но непомерно тяжёлый груз

. Волосы, когда-то тёмные, теперь были тронуты густой проседью у висков, а глубокие борозды у глаз говорили о том, что он слишком много видел, чтобы часто улыбаться

. Его взгляд — прямой и тяжёлый — был наполнен не враждебностью, а пугающим знанием

.
Харуто замер. Когарэби в ножнах дрогнул — не в предупреждении об опасности, а в приветствии, будто сталь узнала старого друга раньше, чем разум вспомнил имя

.
Мужчина легко, почти небрежно отстранил преградившего путь стража и направился прямо к Харуто

. Каждый его шаг по гравии отзывался в ушах Харуто ударом сердца.

— Ты вернулся, — произнёс он. Его голос был низким и спокойным, как камень на дне горной реки, но каждое слово падало с весом молота по наковальне. — Живым

.
Харуто сглотнул ком, застрявший в горле. — Вы... знали меня? — выдохнул он

.

Мужчина едва заметно усмехнулся — в этой усмешке не было радости, лишь горькое принятие реальности. — Я знал твоего отца, — ответил он

. — Меня зовут Казума Сэно. Я был его учителем. И теперь... я буду твоим

.

Такэру и остальные подошли ближе, чувствуя исходящую от незнакомца силу. Миюки, сжимая в руках почерневшие травы, тихо спросила о кристалле, найденном у ворот. Казума посмотрел на неё с неожиданным уважением. — Кэндзи Сэки — мой брат

. Он не враг. Он жертва, как и все мы

.

Казума повернулся к дыму, застилающему ворота, и в его янтарных глазах отразилось пламя горящей газеты. — Мир рушится, Харуто, — сказал он, глядя прямо в душу юноше. — Не потому, что кто-то хочет его уничтожить. А потому, что никто не хочет его спасти

.

Хокку: Тень у порога, Взгляд янтарный знает всё. Чей ты ученик?

Часть 9: Появление Куратора в чёрном плаще: «Вы — щит системы»

Куратор появился не из толпы, не из-за спин стражей и даже не из ворот храма. Он вышел прямо из дыма, как будто плотная серая завеса была не продуктом горения, а дверью — чёрной, без ручек и замков

. Он просто шагнул через порог в мир, где ещё оставались живые люди.

Его плащ не был сшит из ткани или кожи. Это был материал, который не отражал свет, а поглощал его, словно в складках жила сама тьма, научившаяся ходить на двух ногах

. Лицо скрывал глубокий капюшон, оставляя глаза в непроницаемой тени, и лишь тонкие, лишённые улыбки губы замерли в гримасе вечного безразличия

.

Он остановился в трёх шагах от Харуто. Его голос не был ни старым, ни молодым — он был пустым, как эхо в заброшенном склепе

.

— Вы здесь не для отдыха, — произнёс Куратор, и эти слова придавили героев к земле сильнее, чем усталость пути

.

Такэру, сжимая кулаки, попытался возразить, что они выполнили задание и прошли через границу, но Куратор даже не повернул головы. — Задание? — в его голосе прозвучало ледяное презрение. — Вы думали, что выполняете задание. На самом деле вы просто выживали

.

Рин, чьи пальцы до белизны сжали веер, прошептала, что он лжёт, но в её взгляде читался ужас узнавания частичной правды

. Миюки, коснувшись земли, добавила, что это существо не является человеком полностью

.

— Никто из нас не человек, — усмехнулся Куратор. — Мы — инструменты.

Он шагнул ближе к Харуто. Его плащ не шелестел и не колыбался при движении

. — Ты думаешь, это Рикугами? — спросил он, обводя рукой задымлённые улицы. — Раньше это была твоя деревня. Теперь — это фронт. Пять великих стран на грани войны, и все они обвиняют Рикугами в диверсиях

.

Когда Такэру выкрикнул, что обвинения основаны на ложных символах, Куратор кивнул с пугающим спокойствием. — Ложных. Но кто их подбросил? Вы думаете, это враги? Нет. Это сделали мы

.
Аяме вскинула лук Цукихана, но Куратор даже не вздрогнул. Он объяснил, что Совет Пяти Стран — это не враг, а система, и система требует жертв

.
— Вы — щит системы, — повторил он, глядя прямо в душу Харуто
. — Щит от правды, которую мир не готов принять. Системы, которая сломала твоего отца, убила мать Аджисай и создала Викария

.
Харуто вздрогнул, когда имена из его кошмаров прозвучали вслух. Куратор наклонился к самому его уху: — И я знаю, что ты выберешь быть этим щитом, даже если это разрушит всё, во что ты веришь

.
Дав героям три дня на отдых перед новым заданием, Куратор растворился в воздухе, не оставив после себя ни тени, ни запаха

. В ушах Харуто продолжало звенеть эхо его слов, а в голове бился единственный вопрос: «Щит от чего? Или — щит для кого?»

.
Хокку: Тень в чёрном плаще, Слова — как цепи на нас. Чей мы теперь щит?

Часть 10: Ночная пульсация меча Когарэби в такт крику Сакуры

Ночь опустилась на Рикугами не как покой, а как тяжёлая пауза перед ударом молота по наковальне

. Харуто не спал; он сидел на крыльце дома матери, положив Когарэби поперёк колен

. Луна висела в небе тонким, острым серпом, а воздух был пропитан запахом гари, страха и чего-то очень старого

. Харуто закрыл глаза, пытаясь дышать мерно, как учил отец, чувствуя, что меч перестал быть просто сталью

.
Внезапно он ощутил это не слухом, а самой кожей: меч вздрогнул

. Это не была обычная вибрация — это был пульс

. Раз. Два. Три. И в такт этому пульсу из ночной темноты донёсся крик — далёкий, сдавленный, будто его вырвали из горла, зажав рот ладонью

. Это был женский голос

. Харуто открыл глаза и увидел, что оранжевое свечение лезвия стало рваным, как сердце, бьющееся в унисон с чужой болью

.
— Слышишь? — раздался сзади тихий голос Такэру

. Он опустился рядом, прислонив свой щит Сэйтэн к стене; руны на щите были мертво-тёмными

. Такэру назвал этот звук не криком, а эхом

. Следом из тени храма вышла бледная Рин, прошептав, что это не просто эхо, а зов

. Миюки, сжимая в руках почерневшие, мёртвые травы, подтвердила: травы молчат, но меч помнит всё

.
Свечение Когарэби внезапно изменилось — оранжевый цвет сменился кроваво-красным, как закат над руинами

. В этом пульсирующем свете на мгновение проступил образ: Сакура Ито в сером плаще, её руки связаны, губы в крови, а глаза смотрят на Харуто с отчаянной просьбой

— Она зовёт, — выдохнул Харуто, чувствуя, как пересохло в горле
. Рин предупредила, что крик скоро станет тишиной, если они не поторопятся
. Харуто провёл пальцами по лезвию, и меч отозвался не теплом, а обещанием найти её
путь
. Крик повторился — тоньше, слабее, но пугающе ближе
. Прижав лезвие к губам, Харуто прошептал: «Я иду»
. Когарэби ответил финальным тройным толчком пульса: «Жди»
. .
Хокку: Меч пульсирует, Крик в ночи — не эхо, а зов. Кто ждёт на рассвете?

Глава 32: «Кровь и память»

Часть 1: Казума зовёт Харуто в сад для тайного разговора

Тишина ударила Харуто в лицо, как холодная вода. Один шаг — и за спиной остались удушливый дым ворот Рикугами, крики стражей и тяжёлые взгляды толпы; второй шаг сквозь каменную арку, обвитую густым плющом, — и мир сжался до размеров узкой аллеи, вымощенной галькой

. Здесь листья не просто шелестели на ветру, они дышали, перешёптываясь о тайнах, которые земля хранила веками

. Галька под ногами поскрипывала, напоминая звук ломающихся костей старых секретов

. Казума Сэно шёл впереди. Он двигался уверенно, не оборачиваясь, будто знал каждый изгиб этой тропы и каждую тень, падающую от пустых ветвей сакуры

. Воздух здесь был пропитан горьким запахом увядания и чем-то древним, что заставляло Когарэби на поясе Харуто затихнуть, но не успокоиться

. Они остановились у небольшого пруда. Вода в нём была чёрной, как ночь без луны, но в глубине что-то мерцало — не звёзды, а память, запертая в неподвижной глади

. Харуто опустил взгляд и вздрогнул: в отражении он увидел не себя. На него смотрел мужчина с такими же глазами и морщинами у уголков рта, чьи пальцы сжимали рукоять меча, который Харуто узнал мгновенно. Это был его отец

. На мгновение Харуто показалось, что отец улыбнулся ему с гордостью, прежде чем рябь стерла образ

. — Здесь нас не услышат, — произнёс Казума. В его ровном голосе Харуто уловил тонкую трещину, похожую на след удара по стеклу

. Мужчина обернулся, и его янтарные глаза, так похожие на глаза матери Харуто, смотрели прямо в душу юноши

. — Ты вернулся не таким, каким ушёл. Я вижу это в твоей походке и в том, как ты держишь меч

. Казума указал рукой на дальний угол сада, где среди мха росли лунные цветы. Один из них был сломан — не ветром или дождём, а человеческой рукой

. — Твоя мать сажала их каждую весну, — прошептал он, и его пальцы со шрамом на ладони непроизвольно сжались

. — Она говорила: «Если цветок выживет — выживет и память»

. Харуто почувствовал, как сердце забило в самом горле. — О ком вы говорите? — спросил он, делая шаг вперёд

. Казума долго молчал, выбирая слова, которые могли бы либо исцелить, либо окончательно разрушить их мир

. Наконец, он глубоко вдохнул, и шрам на его руке побелел от напряжения

. — Твоя мать... — начал он, и голос его дрогнул. — Твоя мать — моя младшая сестра

.

Слова повисли в холодном воздухе сада, превращая легенду о великом мастере в семейную хронику, написанную кровью и потерями

. Харуто стоял неподвижно, понимая, что этот разговор — лишь начало долгого пути к правде, которую Рикугами пыталась стереть

.

Хокку: Сломанный цветок, Слова застряли в горле. Кто она — мать?

Часть 2: «Твоя мать — моя младшая сестра. А старшая...» — замолкает

Воздух в саду стал гуще, словно слова, которые еще не были произнесены, уже обладали физическим весом

. Казума стоял у пруда, его спина оставалась прямой, но плечи были опущены под тяжестью правды, которую он годами прятал под кожей

. Харуто молчал, потому что знал эту истину слишком давно: еще в детстве мать показывала ему потрепанный альбом, где на снимке «Весна 17-го» Казума улыбался рядом с молодой Акико

.

Казума глубоко вдохнул и, повернувшись к Харуто, наконец произнес те самые слова: — Твоя мать... она моя младшая сестра

. Харуто кивнул медленно, без тени удивления, ответив, что всегда знал об этом из альбома, хотя мать никогда не называла Казуму братом

. Имя «Казума Сэно» было для нее щитом, защищавшим от боли прошлого, и теперь этот щит дал трещину

.

Казума провёл ладонью по лицу, пытаясь удержать воспоминания, и его голос стал хриплым, когда он заговорил о «старшей»

. Харуто вспомнил, как мать иногда шептала во сне имя «Мидзухо», прося у неё прощения, и теперь всё встало на свои места

. Старшая сестра ушла молодой, против воли родителей, и больше её в деревне не видели

. Последний раз Казума видел её в двадцать лет у ворот — она сказала, что не вернётся, и исчезла в тумане

.

— Ты думаешь, я не пытался её вернуть? — Казума резко обернулся, и в его янтарных глазах вспыхнула застарелая боль

. — Я бежал за ней до самого холма, кричал её имя, но остался, потому что был слабым и подчинился приказу отца

. Он в ярости ударил кулаком по стволу сакуры, и из трещины в коре потекла тёмная смола, похожая на чёрные слёзы

. Харуто, вспомнив наставление отца, положил руку на плечо дяди, понимая, что сейчас слова — это лишь соль на открытую рану

.

Казума посмотрел на юношу и усмехнулся сквозь горечь: — Ты похож на неё. И на отца тоже

. В этот момент на воду пруда упал лепесток сакуры, медленно дрейфуя, как воспоминание, которое отказывается тонуть

. Казума закрыл глаза, признавая, что пока Харуто жив — жива и память о тех, кого они потеряли

.
Хокку: Слова не сказаны, Но в тишине — правда. Кровь помнит путь

Часть 3: Воспоминание Казумы: девочка с косичками (мать Аджисай) учила его читать
Воздух в саду сгустился, становясь почти осязаемым, но не от дыма за воротами Рикугами, а от тишины, натянутой между Харуто и его дядей, как тонкая шёлковая нить

. Казума Сэно стоял у пруда, его плечи были опущены под невидимым грузом, а пальцы правой руки машинально поглаживали старый шрам на левой ладони — след от книги, которую он когда-то пытался удержать в детстве

. Он закрыл глаза и, казалось, перестал дышать, проваливаясь в глубину собственной памяти

.
В его видении пруд перестал быть чёрным, превратившись в зеркально чистую воду, отражающую летнее солнце

. Пахло лунными цветами — сладко и душно

. Семилетний Казума сидел на корточках, сжимая потрёпанную книгу с выцветшими знаками, и его губы дрожали от бессилия

. «Не получается», — хрипло шептал мальчик, готовый швырнуть книгу в траву

.
Но за его спиной всегда была она. Девочка десяти лет с аккуратными косичками, перевязанными синими лентами

. Это была Мидзухо, мать Аджисай. Она не ругала его, а просто садилась рядом, и её колено, согретое солнцем, касалось его ноги

. Её пальчик медленно вёл по строке, соединяя смыслы: — Смотри, — её голос был мягким, как мох под ногами, — вот этот знак — «вода». А этот — «небо». Вместе они — «дождь»

.
Маленький Казума смотрел на неё с надеждой и страхом, спрашивая, что будет, если он снова всё забудет

. И тогда сестра дала ему клятву, которая спустя десятилетия отозвалась болью в его сердце: «Я научу тебя снова. И снова. И снова. Пока ты не запомнишь каждое слово в этом мире»

.
Казума вздрогнул и открыл глаза, возвращаясь в холодный сад настоящего

. Его взгляд был мокрым, но не от слёз, а от тяжести осознания

. — Ты знаешь, что самое страшное, Харуто? — прошептал он, глядя в чёрную воду пруда

. — То, что я запомнил. Каждое её слово. Каждую строку. Но не сумел запомнить её саму

.
Он сжал кулак, и шрам на руке побелел. Мидзухо была для него светом, который учил находить смысл в темноте, но этот свет угас прежде, чем он успел вернуть ей долг

.
Хокку: Косички в солнце, Слова — как семена в земле. Кто запомнит свет?

Часть 4 (продолжение): Рассказ об отъезде сестры в Сяньню

Казума замолчал, глядя на свои руки, будто пытался найти в линиях на ладонях карту того дня, когда его мир раскололся надвое

. Воздух в саду стал неподвижным, даже вода в пруду перестала рябить, превратившись в черное зеркало

. — Она не просто ушла, Харуто, — заговорил он снова, и его голос был сухим, как старая кора. — Она выбрала Сяньню. Нашла человека, который смотрел на неё не как на «наследницу генома», а как на женщину

. Его звали Реньтитиро Мураками (тут дополнить). Он был учёным, таким же безумцем в своих изысканиях, как и она. Он сажал персиковые деревья и говорил, что границы — это лишь линии на бумаге, которые боятся тех, кто умеет мечтать

. Казума горько усмехнулся. — Она уехала с ним на рассвете. Наша мать рыдала в храме, отец молчал, сжимая рукоять своего меча до хруста костей. Мидзухо стояла у ворот — высокая, с распущенными волосами, и в её глазах не было ни капли страха. Только решимость. Она сказала тогда: «Я не вернусь. Не ждите»

. И она не лгала.

Казума коснулся шрама на своей руке — следа от семейного свитка, который он пытался удержать в день её отъезда

. — Они поселились у подножия гор в Сяньню. Она писала в последнем письме, что их дом пахнет персиками и бумагой для расчётов

. Они исследовали пределы человеческого генома, пытались найти способ исцелять без расплаты

. А потом... — Казума сжал кулак так, что костяшки побелели. — Потом Сяньню закрыла свои границы. Захлопнула их, как крышку гроба. Тишина стала ответом на каждое моё письмо

. Харуто видел, как в янтарных глазах дяди вспыхнул огонь застарелой вины. — Я искал её десять лет, Харуто. Десять лет по десяти странам

. Стоял у ворот Сяньню три дня, слушая крики за стенами, но стража убивала любого, кто сделает шаг

. Я не знал, что она... что они с мужем уже погибли в том проклятом эксперименте

. Я искал призрака, думая, что спасаю сестру.

Казума поднял взгляд на Харуто, и в его взгляде была пугающая пустота. — Самое страшное — это не смерть, племянник. Самое страшное — это когда ты понимаешь, что границы действительно лгут. Они не защищают нас. Они просто позволяют нам умирать в одиночестве, пока те, кто остался снаружи, продолжают верить в надежду

. Хокку: Персик в цвету, Письма уходят в туман. Дом заперт изнутри.

Часть 5: Решимость Харуто найти закрытый мир и «вывернуть души Тэнсеев»

Тишина после горьких откровений Казумы Сэно не была пустой — она дышала застарелой болью и невыплаканными слезами

. Харуто медленно поднял голову, но смотрел не на дядю, а в потемневшее небо, словно пытаясь разглядеть там очертания закрытого мира Сяньню

. — Вы говорите, что бежали от задания к заданию, думая: «Ещё один день — и я вернусь», — голос Харуто был тихим, холодным и твердым, как камень на дне реки

. — Но вы не вернулись. И она тоже не вернулась, потому что кто-то решил: «Этот мир не для вас»

.
Юноша опустил ладонь на рукоять Когарэби, и меч отозвался не пульсацией, а нарастающим теплом

. Харуто признался, что чувствует, как «дышат» эти хранители порядка — Тэнсеи, строящие свои храмы на костях тех, кого они называли «ненужными»

. Он вспомнил извечную заповедь отца «стань щитом» и впервые осознал её истинную суть: щит тоже может быть острым

.
— Я не герой, не спаситель и не мститель, — произнес Харуто, и его шея напряглась от сдерживаемой ярости

. — Я — вопрос, который я вонжу в сердце каждого Тэнсея, пока они не выдохнут правду

.
Сделав шаг вперёд, Харуто открыто бросил вызов системе, лишившей его семьи: — Я найду этот мир, где бы он ни спрятался за стенами из страха и лжи

. И когда найду... я выверну души Тэнсеев наизнанку

.
В этот миг в саду воцарилось мертвенное безмолвие: ветер замер, листья сакуры перестали шелестеть, а вода в пруду застыла

. Казума вздрогнул, услышав в словах племянника эхо десятилетней Аджисай, которая когда-то обещала то же самое — перестроить мир из пепла

. В этом мгновении Харуто перестал быть просто учеником; он стал силой, которую Тэнсеи не смогут проигнорировать

.
Хокку: Мир заперт на ключ, Но щит превратился в нож. Души вскроет сталь.

Часть 6: Реакция Казумы на слова Харуто, которые когда-то говорила Аджисай

Тишина, последовавшая за резкими словами Харуто о намерении «вывернуть души Тэнсеев наизнанку», не была пустой — она дрогнула, как струна, которой коснулся палец, помнящий старую и болезненную мелодию

. Казума Сэно стоял у пруда неподвижно, но его плечи, обычно прямые, внезапно провисли под тяжестью невидимого груза, который в это мгновение стал невыносимым

. Он вздрогнул и медленно повернулся к племяннику, глядя ему прямо в глаза с выражением пугающего узнавания

.
— Эти слова... — начал Казума, и его голос сорвался, прежде чем он смог заставить себя продолжить. — Эти слова Аджисай говорила в последний день, когда я её видел

.
Он снова провалился в воспоминание: десятилетняя девочка сидит у этого самого пруда, её щека расцарапана, а взгляд полон такой горечи, которая не должна принадлежать ребёнку

. Тогда она произнесла ту же клятву, ставшую теперь проклятием для Казумы

. Казума вспомнил, как надеялся, что дети забывают обиды, но Аджисай не забыла — она превратила свою боль в яд

.
Казума подошёл к Харуто и тяжело положил руку ему на плечо. В его янтарных глазах теперь отражался не свет, а пепел

. — Не повторяй её путь, — произнёс он тихо, но со сталью в каждом слове. — Боль — не путь к силе. Она верила, что если выдержит достаточно ударов, мир станет чище. Но мир не изменился. Она — сломалась

.

Он сжал плечо Харуто сильнее, почти настоятельно. — Я думаю, что ты уже идёшь её путём, — добавил Казума с глубокой усталостью. — Но у тебя, в отличие от неё, всё ещё есть выбор. Боль — это не сила, Харуто, это рана. А раны заживают только тогда, когда перестаёшь ковырять в них пальцами

.
Оставив Харуто одного среди сломанных лунных цветов, Казума скрылся в арке сада, напоследок попросив: «Скажи ей... если найдёшь...», но так и не решившись закончить фразу

.
Хокку: Взгляд в пустоту, Эхо слов — как старый шрам. Чей ты выбрал путь?

Часть 7: Счастье Аджисай до тишины Сяньню

Казума медленно отвернулся от пруда, словно само его отражение причиняло ему физическую боль

. Его пальцы судорожно сжали край простого серого кимоно, ткань которого была лишена каких-либо узоров, как будто он пытался стереть из своей жизни любое напоминание о былом величии

.
— Я навещал её до войны, — начал он, и его голос звучал тише, чем шорох опавшей листвы под ногами

. — Не часто — раз в два года, а иногда и реже, но я никогда не пропускал её день рождения

.
Он подошёл к сломанному лунному цветку и присел на корточки, осторожно касаясь стебля, как открытой раны

. — В десять лет она устроила настоящий праздник, но не для толпы гостей, а только для меня одного

. Аджисай расстелила циновку прямо под цветущей сакурой, поставила чайник и, глядя мне прямо в глаза, сказала: «Дядя Казума, сегодня я научу тебя читать новые иероглифы»

.
Уголок губ Казумы дрогнул в тени воспоминания, которое отчаянно пыталось превратиться в улыбку

. — Она была по-настоящему счастлива

. Знаешь ли ты, Харуто, разницу между весельем, радостью и счастьем?

. Веселье — это просто смех, радость — это шумный праздник, а счастье — это когда ребёнок сидит с тобой под деревом и верит, что ты знаешь ответы на все вопросы этого мира

.
Казума встал, его взгляд снова приковала чёрная вода пруда, в которой больше не было света

. — В тот день она подарила мне старую книгу с потрёпанными страницами, на обложке которой были выжжены слова: «Пока ты не запомнишь каждое слово в этом мире»

. Я поклялся вернуться ровно через год, и она кивнула, пообещав ждать

.
Тишина в саду стала настолько плотной, что даже сверчки прекратили свою песню

. Казума до белизны сжал костяшки пальцев

. — Я не вернулся

. Пятерка стран начала рвать границы на части, посыпались приказы, диверсии, разведки... я бежал от задания к заданию, думая, что завтра всё закончится, но дней всегда не хватало

. А потом Сяньню закрылась, захлопнув ворота, как крышку гроба, и ответом на все мои письма стала лишь мёртвая тишина

. Харуто подошёл ближе и тяжело положил руку на плечо дяди

. — Вы сделали то, что могли, — негромко произнёс юноша, и каждое его слово упало в тишину сада, как гвоздь, забиваемый в стену

. Казума закрыл глаза, и в его голосе Харуто услышал не уверенность, а слабую, измученную надежду

. Хокку: Чай под сакурой, Клятвы смыты дождем лет. Память — мой ожог.

Часть 7: Казума вспоминает счастье Аджисай до начала изоляции Сяньню

Казума медленно отвернулся от пруда, словно само его отражение причиняло ему физическую боль

. Его пальцы судорожно сжали край простого серого кимоно, ткань которого была лишена каких-либо узоров, будто он намеренно пытался стереть из своей жизни любое напоминание о былом величии

. — Я навещал её до войны, — начал он, и его голос звучал тише, чем шорох опавшей листвы под ногами

. — Не часто — раз в два года, а иногда и реже, но я никогда не пропускал её день рождения

. Он подошёл к сломанному лунному цветку и присел на корточки, осторожно касаясь стебля, как открытой раны

. — В десять лет она устроила настоящий праздник, но не для толпы гостей, а только для меня одного

. Аджисай расстелила циновку прямо под цветущей сакурой, поставила чайник и, глядя мне прямо в глаза, сказала: «Дядя Казума, сегодня я научу тебя читать новые иероглифы»

. Уголок губ Казумы дрогнул в тени воспоминания, которое отчаянно пыталось превратиться в улыбку. — Она была по-настоящему счастлива

. Знаешь ли ты, Харуто, разницу между весельем, радостью и счастьем?

Веселье — это просто смех, радость — это шумный праздник, а счастье — это когда ребёнок сидит с тобой под деревом и верит, что ты знаешь ответы на все вопросы этого мира

. Казума встал, его взгляд снова приковала чёрная вода пруда, в которой больше не было света

. — В тот день она подарила мне старую книгу с потрёпанными страницами, на обложке которой были выжжены слова: «Пока ты не запомнишь каждое слово в этом мире»

. Я поклялся вернуться ровно через год, и она кивнула, пообещав ждать

. Тишина в саду стала настолько плотной, что даже сверчки прекратили свою песню

. Казума до белизны сжал костяшки кулаков. — Я не вернулся

. Пятерка держав начала рвать границы на части, посыпались приказы, диверсии, разведки...

я бежал от задания к заданию, думая, что завтра всё закончится, но дней всегда не хватало

. А потом Сяньню закрылась, захлопнув ворота, как крышку гроба, и ответом на все мои письма стала лишь мёртвая тишина

. Харуто подошёл ближе и тяжело положил руку на плечо дяди

. — Вы сделали то, что могли, — негромко произнёс юноша, и каждое его слово упало в тишину сада, как гвоздь, забиваемый в стену

. Казума закрыл глаза, и в его голосе Харуто услышал не уверенность, а слабую, измученную надежду

. Хокку: Чай под сакурой, Клятвы смыты дождем лет. Память — мой ожог.

Часть 8: Харуто спрашивает об отце Аджисай (Кёдзё); Казума признаёт, что не знал его лично

Вопрос Харуто упал в тишину сада, как тяжелый камень, брошенный в черную воду пруда

. Юноша не смотрел на дядю — его взгляд был прикован к отражению сломанного лунного цветка в темной глади

. — Ты знал отца Аджисай? — спросил он тихо и ровно

. Казума Сэно замер. Не телом — дыханием

. Он стоял у самого края воды, его плечи оставались прямыми, но вдох сорвался, а выдох болезненно затянулся

. Лишь тогда он отвел взгляд — не в сторону или вверх, а в землю, будто в серой гальке аллеи искал ответ, который не мог дать голосом

. — Нет, — наконец выдохнул он, и голос его прозвучал тише шелеста увядающих листьев

. — Я ушел в разведку.

Эти слова не были ложью — они были раной

. Казума сглотнул, его пальцы непроизвольно сжались в кулаки. На левой руке белел старый шрам от книги, которую он не смог прочитать в детстве; теперь к нему добавился невидимый шрам от вопроса, на который он не мог ответить

. — Она писала мне... однажды, — продолжил он, и в его голосе Харуто услышал надлом

. — Писала: «Он добрый. Он сажает персиковые деревья каждую весну. Он не спрашивает, откуда я. Он спрашивает, куда я хочу»

. Казума глубоко вдохнул, пытаясь удержать ускользающее воспоминание. — Я не ответил на то письмо

. Был в горах Эхидны, на задании Совета Пяти Стран

. Граница трещала по швам, и я думал: «Напишу завтра»

. Завтра не наступило

. Он отступил на шаг, прислонившись спиной к стволу сакуры. Кора треснула под его ладонью, и из трещины потекла темная смола, похожая на черные слезы

. — Я не знал его имени. Не видел его лица. Не слышал его голоса

. Но я знал главное: он был для неё домом. А я... я был лишь письмом, которое так и не дописал

Казума поднял взгляд на Харуто. В его глазах были не слезы, а отчаянная просьба: — Если ты найдешь её... скажи, что я помню. Скажи, что я сажал персик каждую весну. Даже когда не верил, что она вернется

.
Хокку: Сад в тишине ждёт, Письма ушли в пустоту. Кровь помнит его.

Часть 9: Казума показывает карту 10 стран, где Сяньню вычеркнута

Казума долго молчал, глядя на свои ладони, прежде чем резко отвернуться от пруда

. Он подошёл к старому дубу у края сада и, присев на корточки, отодвинул тяжёлый камень у самых корней

. В скрытой нише лежал свёрток — не из изящного шёлка, а из потрёпанной бумаги, покрытой пятнами, похожими на засохшую кровь и слёзы

.
Развернув его прямо на траве, Казума явил Харуто карту, нарисованную от руки углём и чернилами

. На ней были жирно обведены границы пяти великих держав, но внимание Харуто приковали пометки на полях — не цифры, а обрывки чужих жизней: «Здесь видел её лицо в толпе. Ложь. Не она» или «Спросил у торговца. Молчит»

.
— Я носил её десять лет, — прошептал Казума, и его голос был тише шелеста мёртвых листьев

. — Каждую ночь разворачивал, каждое утро прятал

.
На карте были отмечены десять стран, через которые пролегли поиски Казумы: Амата-эрасу, Сусаноо, Чхонгунг, Лунар, Вейл, Зефир, Омбр, Солярис, Ноктис и Веридиан

. Под каждой страной стояли даты и имена тех, кто давал ложную надежду

. Однако название Сяньню выделялось среди прочих — оно не было обведено или подчёркнуто

. Оно было перечёркнуто жирным, рваным крестом, будто кто-то в ярости бил кулаком по бумаге

. Под крестом дрожащей рукой была выведена надпись: «Закрето. Никто не входит. Никто не выходит»

.
— Здесь я не мог пройти, — палец Казумы дрогнул у чёрного креста

. — Стража убивает на месте. Я стоял у ворот три дня, слышал крики за стенами, но так и не вошёл

.
Харуто смотрел на этот чёрный крест, понимая, что перед ним не просто карта поисков, а приговор целому миру

. Казума сжал бумагу в кулаке, пытаясь вернуть ей тепло своих рук, и добавил с горечью, что мир не отдаёт тех, кого забирает

. В этот момент Харуто осознал: его дядя искал не только сестру — он искал самого себя, того мальчика, который когда-то обещал научить её читать, но так и не нашёл дорогу домой

.
Хокку: Десять стран в пыли, Крест на карте — как шрам. Путь закрыт навек.

Часть 10: Наставление Казумы: «Боль — не путь к силе»

Казума долго смотрел на карту в своих руках, словно прощался с десятилетием бесплодных поисков и ложных надежд

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.